

Хотя днем Лу Чжоу был пьяным, благодаря своему хорошему метаболизму он смог прийти на банкет вечером.

Он — один из главных участников этой конференции, если бы он отсутствовал, вечер потерял бы в интересе...

Банкет продолжался с 6 до 8 вечера. Позже по предложению Феффермана, который недостаточно навеселился, профессора Принстона использовали бразильские шоколадные шарики, полученные на конференции, в качестве фишек для игры в Бридж.

Это звучало как интересная идея, поэтому Лу Чжоу присоединился к игре. В начале он проиграл несколько фишек, поскольку не знал правила, но через какое-то время стал доминировать за игровым столом.

Играть в карты с математиками очень интересно.

Лу Чжоу услышал от Феффермана, что кроме него все присутствующие за столом — члены Бридж клуба Института перспективных исследований.

Парень уже долго работал в Институте перспективных исследований и никогда не знал о таком интересном клубе.

Профессор Фефферман произнес, перетасовывая карты:

— Если понравилось, можешь присоединиться к нашему клубу. Если ничем не заняты, то мы играем каждый день с 2 до 3 в игровой комнате. Можешь приходить, если хочешь.

— Но я уже консультант клуба дронов.

— Ничего страшного. Ты можешь вступить в любое число клубов, — с улыбкой сказал Фефферман, который очень популярен в Принстоне, — если я правильно помню, то я уже почетный член более двадцати клубов.

Лу Чжоу вдруг почувствовал, что упускает много интересного...

Они играли в бридж до полуночи. В конце дня карманы Лу Чжоу переполняли шоколадные шарики. Он вдруг вспомнил, что завтра будет сорокапятиминутный доклад, на котором ему

обязательно надо быть, поэтому распрощался со всеми и ушёл.

Лу Чжоу всю ночь проспал в своем номере.

На следующее утро он проснулся с темными кругами под глазами, принял душ и зевнул, покидая номер.

Спустившись вниз на лифте и войдя в ресторан, он неожиданно увидел Молину, сразу же поприветствовав ее.

— Доброе утро.

— Доброе,— Молина заметила темные круги у Лу Чжоу и подразнила, — поздно лег?

Лу Чжоу зевнул:

— Нет, просто немного устал...

В этот момент, Вера, закончившая завтрак, вышла из ресторана и столкнулась с Лу Чжоу.

Когда девушка увидела профессора, то сразу поздоровалась с ним.

— Доброе утро, профессор Лу.

— Доброе утро, — Лу Чжоу улыбнулся и подбодрил ее, — Ты сможешь!

— Да! — Вера энергично кивнула, но зевок предательски выдал её с потрохами.

Хотя вчера она рано легла спать, мысль о ее выступлении на Международном математическом конгрессе не давала ей уснуть.

Она долго ворочалась в постели и в итоге заснула только около трех часов ночи.

У нее голова ходила ходуном, словно она могла заснуть стоя.

Молина посмотрела на сцену перед собой, после чего странно взглянула на Лу Чжоу:

— Скажи честно, что ты делал прошлой ночью?

Когда Лу Чжоу услышал странный вопрос, то переспросил:

— Что ты имеешь ввиду?

Молина хотела что-то сказать, но вдруг покачала головой:

— Ничего страшного, я ничего не видела, ничего не спрашивала.

А?

Молина выглядела так, словно она делала выбор между этикой и дружбой с Лу Чжоу. Парню показалось, что она что-то неправильно поняла...

.....

Доклад Веры должен быть в 10 утра в части теории чисел.

До доклада Веры оставалось еще два часа, поэтому Лу Чжоу не хотел терять зря время и решил побродить по конференции.

Сам того не заметив, он забрел в отдел алгебраической геометрии.

Войдя в лекционный зал, он понял, что часовой доклад делал его знакомый, профессор Шольце.

Лу Чжоу заинтересовала тема доклада. Он сел в заднем ряду и стал слушать.

Если просто, то доклад шольце основывался на созданной им теории, которая решила некоторые задачи из программы Ленглендса, многие из них были тесно связаны с гипотезой Бёрча — Свиннертон-Дайера.

Лу Чжоу понимал его теорию, поэтому он не напрягаясь слушал доклад Шольца.

После этого он пошел в лекционный зал дифференциальных уравнений, но не увидел там никаких интересных докладов.

Судя по всему, некоторые подавали заявки на доклады связанные с уравнениями Навье — Стокса, но поскольку Лу Чжоу решил проблему, многим пришлось отменить свои доклады...

Вскоре наступило 10 часов.

Лекционный зал теории чисел был переполнен.

Лу Чжоу нашел место в заднем ряду и сел, спокойно ожидания доклада.

Ладони Веры вспотели, когда она, нервничая, вышла на сцену.

Многие в зале удивились возрасту ведущего, но поскольку математика — предмет для молодых ученых, они не слишком остро отреагировали.

Вера глубоко вздохнула и вспомнила приободрение профессора, после чего похлопала себя по щекам, пытаясь успокоиться.

— У тебя получится... Вера Пулюй, ты справишься!

Немного подбодрив себя, она обрела уверенность в своих силах.

Вскоре начался доклад о гипотезе Коллатца.

Хотя поначалу ее доклад был немного неуверенным, она быстро освоилась и начала четко излагать свои мысли.

Лу Чжоу должен был признать, что она очень талантлива, как в математике, так и в публичных выступлениях.

Единственный ее недостаток — замкнутый застенчивый характер.

Глядя на Веру, Лу Чжоу с одобрением кивнул.

Неудивительно, что она моя ученица, она делает доклад почти как я.

Прошло полчаса и доклад постепенно подходил к концу. Однако Вера не расслаблялась.

Потому что далее шла сессия вопросов и ответов, самое главное в докладе.

Первый вопрос задал профессор Хельфготт. Он был мастером аналитической теории чисел, который доказал слабую гипотезу Гольдбаха. Он также один из шести рецензентов статьи Лу Чжоу по гипотезе Гольдбаха.

Возможно, Хельфготт не хотел слишком давить на Веру, поскольку говорил не агрессивно. Посмотрев на распечатанную статью в его руках, он спросил:

— На девятой странице, седьмой строке, я заметил интересное выражение. $\Phi(g)$ — это открытое подмножество комплексной плоскости $\mathbb{C}$, и каждая из самых больших связанных подобластей $\Phi(g)$ является ветвью $\Phi(g)$... Как вы это поняли?

Вера открыла статью на девятой странице и четко ответила:

— $\Phi(g)$ — это множество точек z_0 за пределами целочисленной функции $g(z)$. На седьмой странице, пятнадцатой строке, в выводе 1.4, я доказала, что столбец функции $\{g_k(z)\}_{k=1}^{\infty}$ имеет вспомогательные столбцы в окрестностях точки z_0 , которые сходятся к аналитической функции $S(z)$...

Услышав объяснение Веры Хельфготт одобрительно кивнул.

— Благодарю.

Вопросы продолжились.

В конце концов, это Международный математический конгресс, уровень участников очень высок и все вопросы были сложными.

Хотя, конечно, поступали и простые вопросы.

Доктор из Монреальского университета встал и спросил:

— Извините, на одиннадцатой странице, тринадцатой строке, любая функция $h(z)$ приводится к $g(z) = z/2 + (1 - \cos nz)(z + 1/2)/2 + 1/\pi \int_0^{2\pi} (1/2 - \cos nt) \sin nt + h(z) \sin 2nt$, что удовлетворяет $N \subset \Phi(g)$. Как получился этот вывод?

Кое-кто в зале хихикнул.

Вера вздохнула:

— Для этой части, пожалуйста, обратитесь к статье «проблема " $3n+1$ " и голоморфная динамика» Саймона Летермана, Дирка Шлейхера и Вуд Ред в журнале *Experimental*

Mathematics, профессор Леттерман уже дал полное доказательство, я не буду повторять его здесь...

Те, кто спрашивают подобные вопросы, очевидно не читали работу Веры.

Когда человек понял, что спросил глупость, то покраснел и снова сел.

В целом доклад прошел хорошо.

Когда доклад закончился, Вера взволнованно подбежала к Лу Чжоу.

— Профессор! Я сделала это... Я сделала это!

Она крепко сжимала кулаки, а ее лицо переполняло возбуждение.

Лу Чжоу счастливо посмотрел на взволнованную маленькую девушку, он радовался, что она справилась со своей интровертностью.

Нет ничего лучше, чем наблюдать, как растут и улучшаются твои ученики.

Это один из самых приятных дней в жизни Лу Чжоу.

<http://tl.rulate.ru/book/26441/916958>